9. Hermann M., Kegley Ch. Rethinking Democracy and International Peace: Perspectives from Political Psychology // International Studies Quarterly, 1995, Vol. 39.
10. Young, M.D, Schafer, M. Is There Method in Our Madness? Ways

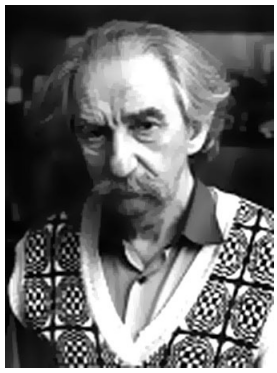
Р. А. Зайнетдинова

Ю. М. ЛОТМАН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

Зайнетдинова
Регина Аликовна

ассистент кафедры общегуманитарных
дисциплин Института международных связей,
г. Екатеринбург

В 1960-х годах в Италии и Франции выходят первые труды семиотиков, работающих в то время в Москве и Тарту. В центре этой новой области исследований — в качестве связующего звена и точки опоры (в частности, благодаря серии «Трудов по знаковым системам») — стояло имя Юрия Михайловича Лотмана, который исходил в своих работах из структуралистского подхода к феномену сигнификации и коммуникации (впервые на Западе в статье - «Точные методы в советской гуманитарной науке» - появившейся в 1967 году в журнале «Strumenti critici»[1], которая основывалась в основном на выводах теории информации, кибернетики, структурной лингвистики). В 1968 году Юлия Кристева опубликовала в журнале Tel quel (№ 35) первый французский перевод работ тартуских семиотиков. Вместе они основали Международную Ассоциацию Семиотики; хотя Ю.М. Лотман был «невыездным» и не мог покинуть Советский Союз, чтобы присутствовать на учредительном конгрессе в Варшаве, он стал вице президентом Ассоциации в 1968 году[2].



Заглавие программной статьи Лотмана «Литературоведение должно стать наукой»[3] в полной мере отражает основную идею семиотического движения шестидесятых годов. Ощущение непреложности семиотического мира находит свое выражение в наукообразии семиотической теории, в ее стремлении следовать «научному методу», логически правильному и неукоснительно соблюдаемому, как методы математики и естественных наук, какими они выглядят в представлении гуманитариев. Сам язык семиотических исследований создает ощущение абстрактного порядка, возвышающегося над конкретными личностями и конкретными обстоятельствами. Субъективность позиции исследователя, метафоричность и эклектичность языка описания признаются нежелательным отступлением от принципов твердой науки. Тотальность ранней семиотики, размывание границ между областями знания, идеями и методами, служила отрицанием официозно-традиционалистской науки, укорененной в национальных академических традициях и институциях, будь то советская, или французская, или американская академическая элита. Политические взгляды представителей семиотики также был диссидентскими: специалист по структуральной и генеративной лингвистике, структуральной поэтике и антропологии, семиотике культуры бросал вызов не только традиционной науке, но и официальной идеологии и ортодоксальности социального поведения (связи между правозащитным движением в СССР в 1960-е годы и «тартуско-московской» семиотикой, французской семиотики с левым движением). Универсальность и четкость семиотических методов делала несущественными на начальном этапе различия контекстов, реальных человеческих судеб, характеров, интересов, культурной родословной всех тех, кто сознавал себя «носителями» семиотической идеи. И это осознавалось как торжество универсальной объективности научного метода. Полная понятность общего подхода и научного языка давала возможность проводить поступивший извне «текст» в свою собственную среду, делая его естественной составной частью своего мира. Работы московских и тартуских семиологов периодически продолжали появляться на страницах «Tel Quel», где они соседствовали с политической и литературной полемикой, ведущейся с левосоциалистических или коммунистических позиций, статьями, трактующими марксистско-ленинскую диалектику и восторженными откликами на китайскую культурную революцию, выяснением отношений между экзистенциализмом и психоанализом, и т.д. Соответственно, в СССР работы Якобсона, Тарановского, Леви-Стросса, Барта, Кристевой, Тодорова, Бремона, Эко ходят по рукам, служат предметом рефератов и дискуссий на семиотических семинарах, оберегаемых от официальной цензуры, фигурируют в качестве библиографических отсылок в работах по семиотике.

В 1972 году в Италии вышла книга Лотмана «La struttura del testo poetico» — самое известное из всех произведений семиотики литературы, также повлиявшее на теоретическую постановку вопросов в отношении семиозиса художественного текста, и не только в России, но и на Западе — во Франции и Италии. Пространственность как принцип организации, произведение искусства как конечная модель бесконечного мира, событие, в котором есть выход персонажа за границы семантической области, явились важнейшим вкладом Лотмана в дискуссию об отношениях между литературой и действительностью, развернувшуюся в Италии в конце 60-х годов. Размышления Лотмана о многогранности произведения искусства, предусматривающей для критика плюрализм подходов и гибкость используемых приемов, отозвались в текстуальных теориях Умберто Эко: от книги «Opera aperta», в которой автор говорил о произведении искусства как об области вероятности, где многообразие означающих воплощается в одно означаемое; через анализ сюжетной схемы в «La struttura assente» к пониманию текста как «презумпционного устройства» в «Lector in fabula». В смысле утверждения образа читателя, который является частью смыслопорождающего механизма самого

текста; и понятия истолкования как семантической актуализации того, что текст как стратегия призван выражать посредством сотрудничества со своим «Образцовым Читателем»[4].

Во Франции во второй половине 1960-х - начале 1970-х годов начинает преобладать стремление вырваться из тотальности семиотического порядка, показать роль центробежных сил, противоречий, непоследовательности в работе знаковой системы. Уже в 1962 году Леви-Стросс, взамен концепции «структурной антропологии», строящейся в категориях структурных оппозиций, выдвинул идею «бриколажа» - произвольного наложения и слияния разных смысловых компонентов, внеположного какой-либо системной соотносительности. Более радикальный разрыв с традиционным структурализмом представляет собой отвергнутая докторская диссертация Мишеля Фуко "История безумия в классическую эпоху", где был нанесен удар принципу системности в развитии культуры, языка и духовного мира личности (теория литературной эволюции Тынянова, теория стадиального развертывания фонологических признаков Якобсона, теория универсальных стадий развития психики Пиаже)[5]. Широкий резонанс получили в шестидесятых годах идеи Жака Лакана. Отрицая подход к индивидуальному сознанию как к системному целому, формирование и развитие которого следует универсальным внутренним законам, общим для каждого индивидуума, Лакан видит основу психического мира личности не в эгоцентрической системности, а в диалогическом "желании"; личность не может существовать без «другого». Одним из источников нового направления явились работы Бахтина; «Проблемы поэтики Достоевского» (вышли в 1963 г.), «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (в 1965 г.). Понятия «чужое слово», «диалогизм», «карнавализация», «гетероглоссия» сегодня используются западным постструктурализмом. Если в России такие идеи, как монтаж разнородных кодов и «точек зрения» в композиции произведения, «принцип противоречий» и введение «чужой речи» в литературное повествование, воспринимали не как отрицающие структурный подход, но как его усиливающие, делающие его более гибким, то на Западе, начиная с ранней Кристевой (конец 1960-х гг.), Бахтин воспринимался в контексте «деконструкции» художественных и культурных текстов и критики лингвистического структурализма и формального литературоведения: «Будучи не только «ученым», но и писателем по призванию, Бахтин одним из первых взамен статического членения текстов предложил такую модель, в которой литературная структура не наличествует, но вырабатывается по отношению к другой структуре. Подобная динамизация структурализма возможна лишь на основе концепции, рассматривающей «литературное слово» не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом»[6]. Наибольшего размаха эти моменты достигли к концу 1960-х годов. Приехав в Париж в 1966 г., Кристева использовала свое знание русского языка для распространения идей Бахтина в качестве альтернативы структурализма. Развитие идеи полифонии и чужого слова приводит Кристеву в 1969 году к формулированию понятия, ставшего одной из основных категорий постструктурного анализа - интертекстуальность. Сходную направленность имело понятие «письма», занявшее центральное место в книге Ж.Деррида «О грамматологии» (1967) и работах Барта конца 1960-х начала 1970-х гг. Текст - многомерное пространство, в котором многообразие написанного, но не оригинального, смешивается и сталкивается. Текст не просто обладает несколькими смыслами, но он сам есть воплощенная неизбежная множественность смысла, он пересечение значений, поэтому нуждается не в интерпретации, но во взрывании, в рассеивании. Единственная возможность автора состоит а том, что он может смешать написанное новым способом. Растворение текста и его значения в процессе «письма» означает «смерть автора» как раз и навсегда заданной индивидуальности, поэтому все претензии «дешифровать» текст оказываются совершенно пустыми. Клод Леви-Стросс говорил: «У меня нет чувства, что я пишу мои книги, у меня есть чувство, что мои книги пишутся через меня ..., я никогда не имел, и все еще не имею, чувства моей персональной идентичности. Я обращаюсь к себе как к месту, где что-то происходит, но там нет никакого «Я», никакого «меня»[7]. Письмо отказывается видеть в тексте (или слове) какой-либо окончательный смысл. Как и Лакан, Барт отрицает традиционные правила и критерии научного исследования. Сформулированный им новый принцип «от науки к литературе» звучит как отрицание прежнего: «литературоведение должно стать наукой»[8].

Общим для этих авторов является противостояние господствующей традиционной идеологии, согласно которой язык и культура «разумно» устроены (с определенной степенью свободы), интегрированы и упорядочены и соответственно должны стать предметом «научного» изучения. Для французских философов и литературных критиков такой взгляд традиционной лингвистики и семиотики является очередной попыткой скрыть стремление сохранить традиционный порядок и расположение сил, находящихся наверху традиционной социальной и духовной иерархии. Господствующая научная элита и привилегированные слои общества представляют свои ценности как воплощение вечных и универсальных принципов разумного, ограничивая множественность голосов культуры и оттесняя альтернативные точки зрения на периферию. Чем сильнее вера в единство и урегулированность культурных языков, тем легче манипулировать сознанием общества, навязывая ему ценности общепринятых и общеобязательных «кодов» мышления и поведения. «Деконструкция» - метод анализа, предложенный Ж. Деррида - знакового феномена (отдельный текст, автор или культурный язык) направлена на выявление присутствия множества взаимно противоречащих и взаимно друг друга уничтожающих голосов в том, что традиционно принимается за некое целое. А также на разоблачение стремления к конформизму, который стоит за претензией данного феномена на единство и упорядоченность.

Формирующаяся в это время концепция «другого» разрушает иллюзию культурной монолитности, обнаруживая противоречие в том, что прежде выглядело «системой» (этому способствует путешествие в 1974 году Барта и Кристевой в Китай). Лакан, например, оценивает стремление проецировать себя на другого как то, в чем личность нуждается для себя самой. «Другой» оказывается нужен для того, чтобы увидеть свой собственный мир в его разноречии и множественности, в свободе движения противоречивых сил. В СССР в это время возникают явления достаточно сходные с тем, что происходило во Франции. Начиная с 1971-го Лотман выступил с серией работ по «типологии культуры»[9], ознаменовав новый этап его деятельности. Лотман противопоставляет два культурных механизма, построенных

на принципиально различных семиотических основаниях. Эту противоположность между двумя типами он описывает в различных работах каждый раз в новых, но родственных категориях, так что в сумме они образуют «целую типологическую парадигму». Согласно этой парадигме, работа одной из систем регулируется эксплицитными правилами и законами, применяемыми абстрактно, вне зависимости от конкретных лиц и обстоятельств; другая опирается на имплицитное знание традиции, которая неотделима от человеческого фактора и ситуаций, в которых она воплощается. Первая система основывается на рационально построенном, кодифицированном и универсально соблюдаемом порядке, вторая представляет собой органическое коллективное начало, основанное на общей памяти, традиции и конкретном личностном взаимодействии в русле этой традиции.

Хотя типология культуры Лотмана строится как всеобщая семиотическая теория, показывающая различные аспекты, действующие в каждой культуре, его рассуждения неизменно сопровождаются конкретными примерами, в которых западный мир выступает на одном типологическом полюсе, а мир «традиционных» русских ценностей на другом. В 1970-80-х гг. большое место в его работах занимает детальное исследование конкретных ситуаций, обычаев, человеческих судеб и отношений, устремлений действующих лиц, понимания-непонимания ими того, что с ними и вокруг них происходит. Подобный тип описания был выходом из жесткости традиционной структуральной модели, воплощая в себе свойства разноречья, динамичности, открытости, свойства к которым стремились теоретические поиски на рубеже 1970-х годов. Культурное явление на русской почве представляется разнородным и запутанным, в то время как его западные источники или соответствия вполне прозрачны и обладают унифицированной формой. Западный мир в его работах по истории русской культуры, продолжает жить по законам традиционной семиотической модели, когда на русской почве эти законы, в силу сосуществования и взаимного пересечения многих систем, подвергаются освобождающему размыканию.

Борис Гаспаров считает, что с Бартом и Кристевой Лотмана роднит то, что он также ищет альтернативу рационалистической картине мира с помощью «другого» - не просто структурированного иным образом, но принципиально вырывающегося из самого понятия структуры[10]. Только в глазах французских семиологов «другой» (обитатель «восточного» культурного пространства китаец, а также русский), обладает ценностями, к которым стремится западный мыслитель: способностью принять непоследовательность как позитивное начало, не страшась создать интеллектуальный хаос, возможностью бросить вызов монопольному положению рационалистического сознания, не подрывая тем самым ценность культуры, принятием коллективности и диалогизма как естественного и необходимого способа существования личности. У Лотмана же освобождение от утопического рационализма совершается путем конструирования «другого» обитателя «западного» пространства, последователя римско-имперской и римско-католической традиции, с ее культом законов и институций. Этот «другой» принимает на себя все отрицательные признаки, все то, чем культура (и ее модель) не должна быть: абстрактность, формальную жесткость, пренебрежение человеческим аспектом культуры.

Если Барт, Кристева, Деррида пытаются создать новое духовное пространство, атакуя «тоталитарный» духовный порядок с периферии, извне, как бы с позиции «другого», то Лотман добивается сходного результата путем оттеснения этого рационалистического порядка на периферию своего мира, возлагая ответственность за этот самый порядок на «другогоу». Выделяя «прагматико-активную напряженность» советской семиотики У. Эко подчеркивал проблематичность некоторых вопросов идеологического характера в культуре страны, как, например, проблему отношения между теорией отражения, нейтральностью семиотической науки и законами знаковых систем. Возникшая в среде лингвистов, кибернетиков, математиков, и, таким образом, поначалу освобожденная от необходимости считаться с официальным марксизмом, семиотика все же в конечном итоге не уходила от обдумывания ключевых вопросов своей культуры и, в этом смысле, выступала как некий провоцирующий элемент в академической среде. «Служители системы» и Правые и Левые несомненно почувствовали нечто подрывное в лотмановских размышлениях: «Истина без сомнения рождает фанатизм. Истина вне сомнения, мир без смеха, вера без иронии - это не только идеал средневекового аскетизма, это и программа современного тоталитаризма»[11]. Во-первых, таковым было его понимание текста как модели культуры, не в качестве филологического феномена, но как сложной деятельности, которая творит смысл – семиотической деятельности. Такое понимание перевело фокус с текста на его окружение, посредством этого погружая текст в историю и социум: текст порожден не только внутренней игрой лингвистическими элементами в пределах закрытой структуры, но также действиями и движениями культуры. Синхроническая структура, которую мы имеем перед собой (отдельный текст Шекспира, например) таким образом, есть продукт конфронтации текстов с предшествующими и соседствующими языками описания. Порожденный культурным диалогом (Лотман также использует концепцию Бахтина), текст производит значение языка – новое по отношению к уже существующим. Выступая против узкого формализма, Лотман выделял общий принцип важности среды для произведения и показывал произведение как наиболее типичную ее манифестацию, что впоследствии отразится в его концепции семиосферы.

В результате, язык искусства не может быть изучаем простым перенесением лингвистических моделей, как Якобсон и некоторые структуралисты до сих пор утверждали. Параллельно с концептом интертекстуальности Юлии Кристевой, Лотман разработал понимание искусства как «вторичной моделирующей системы». Хотя Ф. де Соссюр и подчеркивал важность отношений знаков к друг другу, одна из слабостей структуралистской семиотики - тенденция трактовать индивидуальные тексты как дискретные, отграниченные объекты и фокусироваться исключительно на их внутренних строениях. Первая аналитическая задача структуралиста часто видится как задача разграничить систему (что должно быть включено и что исключено), которая является логически понятной, но онтологически проблематичной. Даже оставаясь в пределах парадигмы структурализма, мы можем увидеть, что коды выходят за рамки структур. Кристева рассматривает тексты в терминах двух параметров: горизонтальная ось, соединяющая автора и читателя текста, и вертикальная ось, которая соединяет текст с другими текстами. Объединение этих двух параметров используется кодами: каждый текст и каждое прочтение зависят от предшествующих кодов, каждый текст находится под юрисдикцией других дискурсов, которые налагают на него

универсум. Прежде чем рассматривать структуру текста, мы должны изучить его «структурацию» (как строение возникло). Это подразумевает расположение его внутри всего множества предыдущих или синхронных текстов.

Интертекстуальность - это гораздо больше, чем влияние авторов друг на друга. Для структуралистов, язык имеет полномочия, которые не только превышают индивидуальное управление, но также и определяют субъективность. Структуралисты стремились противостоять тому, что они рассматривали как смещение в литературной и эстетической мысли, которая подчеркивала уникальность и текстов и авторов. Идеология индивидуализма (и связанные с ней концепции авторской «новизны», «творческого потенциала» и «выразительности») - наследство пост-Ренессанса, которое достигло его пика в Романтизме, но которое все еще доминирует в популярном дискурсе. «Авторство» было историческим изобретением. Концепций типа «авторства» и «плагиата» не существовало в средневековье. Люди не придавали такой важности установлению точной идентичности автора книги, которую они читали или цитировали, какую придаем мы теперь. Соссюр подчеркивал, что язык - система, которая существует до индивидуального пользователя. Структуралист и постструктуралист «всегда уже» позиционирован семиотическими системами (и наиболее четко языком). Современные теоретики считают, что язык говорит посредством субъекта, скорее, чем субъект посредством языка. Когда авторы пишут, они также написаны[12].

Введение Лотманом термина «моделирующая» по отношению к «системе» в теоретическом смысле необычайно расширило определение, данное Соссюром. Лотман перестает говорить о «знаке»: искусство рассматривается им не как система знаков, а как моделирующая система, — иными словами, система, позволяющая построить «модель». Модель отличается от знака как такового не только тем, что занимает место денотата (референта), но и прекрасно заменяет его в гносеологическом и нормативном процессах. Знак как культурная единица, в которой прежде всего важно signifie, берет начало в русской литературной критике XVIII века, чьей характерной чертой было отражение общественных проблем в литературе. По Лотману основанное на естественном языке, искусство тем не менее феномен другого, «сверхструктурного» порядка: оно перераспределяет первичную логику языка согласно новым логическим правилам, даруя человеческой природе новые когнитивные возможности, отличные принципы логики для реконструкции себя самого и мира. С этой точки зрения, семиотика была для Лотмана наукой, которая исследовала интеркоммуникацию и перестроение информации и структур как сущностных фактов культуры, как сущности культурной и социальной жизни. Он утверждал, что не может быть ни культуры, ни ее изучения без принятия в расчет трансформационной сущности значения, а идея эта поднимала проблему и для формализма, и для догматизма. Лотман применял этот семиотический или теоретический концепт не только к русской истории культуры, в особенности к исследованию «Евгения Онегина» Пушкина, но и к Вольтеру, Монтескье, Веласкесу.

В 1985 году в Италии выходит «La semiosfera. L'asimmetria e il dialogo nelle strutture pensanti» (она собрала по большей части неопубликованные в СССР труды исследователя, которые он написал в 80-х годах, таким образом итальянский читатель стал «идеальным читателем» нового лотмановского сообщения), стало возможным наряду с исследователями из той культурной среды, в которой сформировалось научное сознание Лотмана, назвать и имена крупных ленинградских ученых 20-х годов — таких, как нейрофизиолог Ухтомский или биолог Вернадский, своими «Размышлениями натуралиста» (где широко использованы принципы симметрии, асимметрии, энантиоморфизма) способствовавший более детальной проработке Лотманом концепции диалога.. Общей основой для этих размышлений послужила научная революция, совершенная физиками XX столетия, позволившая включить произведение ученого в современный международный эпистемологический контекст. На основе выявления общих механизмов динамического бытия всех живых структур — от атома до человеческого организма, от художественного текста до культуры, и так до самой Вселенной — стало возможным изучать связь идей Лотмана с идеями Бейтсона, Матта Бланко, Элкана, Яуха, Холтона, чтобы через анализ принципиально схожих выводов ведущих современных биологов, физиков, психиатров и эпистемологов, найти подтверждение гипотезам советского семиотика-гуманиария. Результаты, которых достиг Лотман в анализе теории коммуникации и художественного языка в частности, являются прочной основой международных семиотических исследований. В среде итальянских ученых особое значение придается лотмановской мысли о неизбежности «двойной реальности» в культуре: культура как система-модель и культура как текстопорождающее устройство; как система памяти и динамический процесс запоминания; как язык и речь; как граница обозначения и как его отправная точка, а также анализу эвристических возможностей, которые представились с момента обращения семиотики к проблемам культурной типологии. Помимо всего прочего, общая точка зрения более или менее совпадает с новой концепцией текста и вопросом определения его в рамках семиотики и культуры. Если любой текст может рассматриваться и как дискретный, и как континуальный, то художественный текст, в частности, представляет собой как бы многослойный, семиотически разнородный объект. Благодаря своей способности сохранять информацию, он приобретает свойство памяти и совершает «перекодирование самого себя» в соответствии с ситуацией, теряя таким образом свое официальное свойство: пользователь уже не «расшифровывает» текст, а «общается с ним». Здесь никогда не присутствует подлинное лингвистическое общение, а в основном — семиотическая деятельность в широком смысле этого слова: значение выражения всегда есть переложение, перевод. Внимание к акту прочтения, интерпретации, сотрудничеству или кооперации с адресатом в целом присуще как Лотману, так и его итальянским коллегам. Чтобы текст функционировал как смыслопорождающий механизм, необходимо наличие собеседника. В действительности, текст в своем функционировании может быть описан (и может постигать сам себя) на основе различных культурных моделей. Ему присуща полисемическая природа, благодаря которой он никогда не перестает создаваться, но и не отрывается от своих корней: следовательно, он может быть декодирован разными способами, каждый из которых законен, если отличается последовательностью. Границы истолкования совпадают именно с правами текста, а не с правами его автора. Речь идет опять же об утверждении образа истолкования, подчиненного законам интертекстуальности. Изучение культуры как универсального единства и изучение отдельного текста — то есть культурология

и литературная критика — выступают в качестве единой области исследований с применением одних и тех же методов. Тенденция к пересмотру отдельных произведений в свете предложенной Лотманом концепции семиосферы, то есть с точки зрения взаимосвязи, взаимодействия и единства всех звеньев в цепи, довольно близка к понятию «энциклопедии» как «семиотического постулата» (postulato semiotico — tessuto rizomatico di proprieta culturali) того же Эко. Анализ игры символических воспроизведений с интерпретирующими моделями, информации с общением, творения культуры с ее потреблением, приводит к лотмановской «La cultura e l'esplosione» («Культура и взрыв»), где анализ многообразия потенциальных связей между элементами смысла позволяет выявить многомерное смысловое пространство как в синхронии, так и в диахронии[13].

В 1992 году из тартуской кафедры русской литературы выделилась кафедра семиотики – ее возглавил Лотман. В это время статьи Лотмана продолжают публиковаться за пределами Эстонии: в Москве, в Ленинграде, в Западной Европе. Также выходят книги; ученый получил почетный заказ от английского издательства «I. B. Tauris & Co. Ltd.» на книгу о семиотике, и она вышла в 1990 г. в переводе Анн Шукман и с предисловием У. Эко: Yuri M. Lotman. Universe of the Mind: a Semiotic Theory of Culture. London; New York. Уже посмертно книга вышла в первозданном виде: «Ю. М. Лотман Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история».[14] И самая последняя книга – «Культура и взрыв».[15] Всемирная популярность Лотмана способствовала его избранию в престижные редколлегии научных изданий, в члены-корреспонденты Британской Королевской академии, в члены Норвежской академии наук. В Эстонскую АН он был принят только в 1990 г.

Структурализм Лотмана отправляясь от строгого определения структуры, через понятия вторичной моделирующей системы (открывающее интерструктурную перспективу) и семиосферы (пространства, в котором реализуется знаковая жизнь человека) доходит до утверждения значения непредсказуемости в механизме развития систем. Несмотря на замечание Натальи Автономовой[16] о том, что Лотмана проще представить в обществе Р. Якобсона или К. Леви-Стросса, чем в обществе постструктуралистов, к которым он был ближе по возрасту. Несмотря на смущение западных комментаторов его всегда-предположением существования материальной реальности за знаками и цифрами (для Р. Лахман и Ю. Кристевой этот поиск обозначаемого за обозначаемым прямо противоречит у Лотмана концепции динамических моделей, т.к. ограничивает творческие потенции текста), многие центральные позиции последних работ Лотмана – концепция взрыва и динамики непредсказуемого, движение к диалогу, обращение к метафоре и личным наблюдениям – имеют постструктуралистский характер. И все же Юрий Михайлович никогда не был в полной мере ни структуралистом, ни постструктуралистом, он стремился получить более точные и новые положения о тонких отношениях между действительностью, текстом, моделью мира, обществом и человеком с помощью дополнительных методов и структурных единиц.

1. См. М. Де Микиел О восприятии работ Ю. М. Лотмана в Италии // Лотмановский сборник 1. М., 1995. С. 295.

2. См. Julia Kristeva On Yury Lotman // Publications of the Modern Language Association (PMLA) 109(3), С. 375-376 (1994).

3. "Вопросы литературы", 1967, No 1. С. 90-100.

4. См. М. Де Микиел О восприятии работ Ю. М. Лотмана в Италии // Лотмановский сборник 1. М., 1995. С. 297.

5. Лотман считал, что в каждый момент времени любое общество имеет свои модели сигнификации и свои модели коммуникации, признавая одни из них центральными, другие относя к периферии. Подобным же образом М. Фуко описывает проблему признания, что есть правда, что есть ложь: общество борется за то, чтобы те или иные тексты были признаны более правильными, нужными; одни из них начинают вытеснять другие, осуществляя это за счет внимания критики, внесения в списки для обязательного чтения в школе и в университете и т.п.

6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман// Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с. фр. Г. К. Косинова; - М.: «Прогресс», 2000. – С. 428.

7. См.: Chandler, Daniel Semiotic for beginners [Electronic resource] // http://www.aber.ac.uk

8. См. Гаспаров Б. В поисках «другого» (Французская и восточно-европейская семиотика на рубеже 1870-х годов) // НЛО 1996, № 14.

9 "Статьи по типологии культуры", вып. 1 (Тарту, 1970); "Проблема "обучения культуре" как ее типологическая характеристика" Труды по знаковым системам, 5 (Acta et commentationes universitatis Tartuensis, 284). Тарту, 1971. С. 167-176; "О двух моделях коммуникации в системе культуры" Труды по знаковым системам, 6 (Acta..., 308). Тарту, 1973, с. 227-243; "Договор" и "вручение себя" как архетипические модели культуры" Труды по русской и славянской филологии, 32 (Acta..., 513). Тарту, 1981. С. 316.

10. См. Гаспаров Б. В поисках «другого» (Французская и восточно-европейская семиотика на рубеже 1870-х годов) // НЛО 1996, № 14.

11. Ю. Лотман. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. — М., 1998. — С. 650–669.

12. См.: Chandler, Daniel Semiotic for beginners [Electronic resource] // http://www.aber.ac.uk

13. См. М. Де Микиел О восприятии работ Ю. М. Лотмана в Италии // Лотмановский сборник 1. М., 1995. С. 300.

14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров, М., «Языки русской культуры», 1996, при участии Тартуского университета

15. Лотман Ю. М. Культура и взрыв, М., «Гнозис», 1992

16. Дмитриева Е. Московско-парижская одиссея, или Цена интеллектуального бесстрашия (о тематическом номере журнала «Critique», посвященного современной России) // «НЛО» 2002, №55.